

СЛОВОТВОРЧЕСТВО XXI ВЕКА: ТЕНДЕНЦИИ И
МЕХАНИЗМЫ СОВРЕМЕННОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

*Хошимова Мадинабону Хакимжон кизи,
преподаватель Андигжанского государственного
института иностранных языков, кафедры
теории русского языка и переводоведения*

khoshimovamadina04@gmail.com

*Алтмишева Ёркиной Мажидовна
доцент (PhD) Андигжанского государственного
института иностранных языков, кафедры
теории русского языка и переводоведения*

majidovna@mail.ru

Актуальность исследования словотворчества XXI века определяется не только количественными параметрами роста неологического фонда, но и качественными изменениями, затрагивающими границы между устной и письменной формами, между национальным и глобальным, между собственно словом и графически маркированными единицами (хэштегами, никнеймами, мемами и т. п.). Цель настоящей статьи — описать ключевые тенденции и механизмы современного словообразования в русском языке, функционирующем в условиях цифровой коммуникации.

***Ключевые слова:** неологизмы, англицизмы, гибридные образования, экспрессивная деривация, словосложение и контаминация, интернет-коммуникация, цифровая коммуникация.*

Словотворчество XXI века представляет собой одну из наиболее динамичных зон современной языковой системы. Социальные, технологические и культурные трансформации, связанные с глобализацией, цифровизацией и медиатизацией коммуникации, обуславливают интенсивное

обновление лексики, возникновение новых словообразовательных моделей и активизацию периферийных механизмов деривации. В этих условиях русский язык демонстрирует высокую степень адаптивности: с одной стороны, он сохраняет инвариантные структурные свойства, а с другой — оперативно реагирует на вызовы времени, формируя новые способы номинации и экспрессии [1; 4].

Современное словотворчество не может быть описано исключительно в рамках традиционной словообразовательной парадигмы, ориентированной на системные отношения корня, аффиксов и основ. Исследователи подчёркивают необходимость учёта когнитивных, прагматических и дискурсивных факторов, определяющих выбор тех или иных моделей [2; 3]. В центре внимания оказывается языковая личность пользователя, активно конструирующего индивидуальный и групповой словарь, а также медийная среда, в которой закрепляются и тиражируются новые образования.

Караулов вводит понятие языковой личности как совокупности её вербально-семантического, когнитивного и прагматического уровней, что позволяет рассматривать словотворчество как форму реализации личностных стратегий самовыражения и самоидентификации [2]. Кубрякова, в свою очередь, подчёркивает когнитивную природу словообразования, трактуя его как механизм концептуализации и категоризации опыта [3]. В результате современное словотворчество мыслится не только как формально-морфологическая, но и как когнитивно-дискурсивная процедура.

Англицизация и гибридные образования

Одной из наиболее очевидных тенденций словотворчества XXI века становится англицизация лексики и формирование гибридных деривационных моделей. Англоязычные корни включаются в русскую словообразовательную систему, осваиваясь при помощи традиционных аффиксов: лайкать, дизлайкать, репостить, стримить, шеймить, буллить, хейтить и др. [1; 4]. Освоение затрагивает и именные образования: блогер, стример, геймер,

хейтер, инфлюенсер, айтишник, эсэмэщик. В подобных случаях наблюдается «накладывание» русской морфологии на иноязычную корневую базу, что позволяет говорить о гибридной словообразовательной системе.

Важно отметить, что англицизмы не ограничиваются прямыми заимствованиями: они становятся базой для вторичной деривации, в том числе экспрессивной и разговорной: дизлайк, диз, лайкос, репостик, шеймер, хейтерство и т. п. Тем самым реализуется тенденция к интеграции заимствований в лексическую и словообразовательную подсистемы русского языка [4].

Разговорная и экспрессивная деривация

Современная разговорная и сетевая коммуникация демонстрируют высокую продуктивность экспрессивных суффиксов и формантов, традиционно связанных с уменьшительно-ласкательной и оценочной семантикой: -к-, -очк-, -юшк-, -онечк-, а также каучуковых суффиксов глаголов: -нуть, -ануть, -ону- и др. [1]. В результате возникают такие единицы, как видосик, постик, мемчик, кофеёк, сериальчик, скринануть, загуглить, зашеймить, заспойлерить. Подобные образования выполняют важную функцию стилистической маркировки текста, задавая неформальный, игровой или иронический тон высказывания.

Экспрессивная деривация зачастую опирается на модель одноразового окказионального образования, однако часть таких единиц закрепляется в узусе, переходя в разряд устойчивых разговорных слов. Здесь проявляется механизм узуализации окказионализмов, хорошо описанный в работах Земской и её последователей [1].

Словосложение и контаминация

Словосложение и различные формы контаминации (бленды) становятся одним из ведущих средств номинации новых реалий. Распространены образования типа киберспорт, фастфуд, нейросеть, инфопространство, медиаобразование, смарт-дом, фейк-ньюс. Их отличает высокая степень

семантической компрессии: сложный фрагмент действительности сворачивается в компактную форму [3; 6].

Контаминационные образования (бленды) особенно характерны для медиадискурса и интернет-коммуникации: словослияния типа путингбология, ковидло, смузификация, фудшеринг, словосочетания формата диванный эксперт, офисный планктон и др. Эти единицы демонстрируют взаимодействие словообразования и языковой игры, что подчёркивается в исследованиях Гридиной и других авторов, анализирующих интернет-коммуникацию [5].

Цифровая среда стимулирует появление графо-морфологических инноваций: смешение кириллицы и латиницы, использование эмодзи и спецсимволов в составе слов, хэштегизацию (#читаю, #горжусь, #этоноормально) и др. Такие единицы занимают пограничное положение между словом и текстом, однако участвуют в формировании устойчивых моделей: #люблю+X, #ненавижу+X, #мнеэтонадо и т. п. [5].

С точки зрения классического словообразования подобные явления трудно описываются, однако в функциональном плане они выполняют роль средств вторичной номинации, маркирующих оценку, позицию и коммуникативную установку автора текста.

Аффиксация остаётся ведущим механизмом словотворчества, при этом наблюдается как сохранение продуктивности традиционных моделей, так и переосмысление семантики отдельных формантов. Суффиксы глаголов -ить, -овать, -нуть активно присоединяются к заимствованным основам (гуглить, лайкать, репостнуть, тестировать), а суффиксы существительных -к-, -щик, -ость служат для образования наименований лиц и абстрактных признаков: айтишник, эсэмэмщик, креативность, кликабельность [1; 4].

Особого внимания заслуживает вторичное словообразование от уже освоенных заимствований: блогер — блогерство, стример — стриминг, лайк — лайкос, хейт — хейтик и т. п. Здесь проявляется тенденция к углублённой интеграции иноязычных элементов в русскую деривационную систему.

Конверсия, или переход слова из одной части речи в другую без внешних формальных изменений, в XXI веке становится особенно заметной. Наблюдается переход существительных в глаголы (лайк — лайкать, дизлайк — дизлайкать), прилагательных в существительные (токсичный — токсик, чёрный — чёрнуха), имён собственных в нарицательные (гугл — гуглить) [3]. Конверсия способствует экономии языковых средств и повышению динамичности лексической системы.

Аббревиация и акронимия

Аббревиация и акронимия также демонстрируют высокую продуктивность: ЕГЭ, ОГЭ, СММ, КРІ, NFT, ИИ и др. Ряд аббревиатур становится основой для дальнейшего словообразования: егэшник, айтишник, эсэмэщик, пиарщик. Таким образом, аббревиатуры перестают быть только сокращёнными формами и превращаются в полноценные деривационные базы [4].

Словотворчество XXI века выполняет комплекс функций, выходящих далеко за пределы чисто номинативной. Во-первых, оно обладает важной идентификационной функцией, маркируя принадлежность к определённому сообществу, поколению, профессиональной или субкультурной группе [2]. Во-вторых, новые слова активно обслуживают экспрессивно-оценочную сферу, позволяя экономно и ярко выражать отношение говорящего: токсик, кринговать, кринжовый, зашкварный, годный и т. п. [4].

В-третьих, современное словотворчество тесно связано с игровой и креативной функциями языка: через языковую игру конструируются новые модели поведения, формируются иронические и самоиронические стратегии общения [5]. Наконец, словотворчество в цифровой среде выполняет метатекстовую функцию: хэштеги и меметические формулы организуют навигацию по текстам, структурируют информационное пространство и задают интерпретационные рамки.

Рассмотренные тенденции и механизмы словотворчества XXI века свидетельствуют о высокой адаптивности и ресурсности современного русского языка. При значительном количестве заимствований и гибридных образований русская словообразовательная система демонстрирует устойчивость: новые единицы, как правило, формируются по существующим моделям, а иноязычные элементы проходят этапы морфологической и семантической интеграции.

Словотворчество цифровой эпохи не разрушает, а напротив, подтверждает структурную целостность языка, одновременно расширяя его выразительные возможности и отражая динамику культурно-исторического развития. Перспективными видятся дальнейшие исследования в направлении количественного анализа неологизмов, изучения их частотности и узуализации, а также сопоставительные работы, позволяющие увидеть общие и специфические черты словотворческих процессов в разных языках [1–6].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Земская Е. А. Русский язык конца XX столетия. – М.: Языки славянской культуры, 2000.
2. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – 4-е изд. – М.: ЛКИ, 2010.
3. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке. – М.: Языки славянской культуры, 2004.
4. Крысин Л. П. Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. – М.: Наука, 2003.
5. Гридина Т. А. Интернет-коммуникация как пространство языковой игры. – Екатеринбург: УрГУ, 2012.
6. Шмелёв А. Д. Русский язык в медийном пространстве XXI века. – М.: Флинта, 2018.